

О. Г. УСЕНКО

[ВЫСТУПЛЕНИЯ В ПРЕНИЯХ]

Обсуждение доклада Ю. Ю. Карпова

<...>

О. Г. Усенко. У меня два вопроса. Скажите, пожалуйста: вольные общества, их формирование и функционирование связаны каким-либо образом с тем, в каком месте они были расположены? Может быть, в закрытых ущельях они могли соседствовать друг с другом без естественных разграничителей... Вот это меня интересует. И второе. Когда убивали человека, который «зарвался» и «взлетел», – убивал человек из его же фамилии или из другой? У Вас звучит мысль, что, по всей видимости, он не подвергался санкциям со стороны общества. Это и интересно. Точно ли он не подвергался санкциям, а если не подвергался, то почему? Если он из этой же фамилии, я могу понять: необходимо осадить родственника. А если из другой – так должна вступать практика кровной мести.

<...>

[с. 46]

Обсуждение сообщений В. И. Колесова, Г. Т. Трофимовой и Ю. Н. Бахмет

<...>

О. Г. Усенко. Я хотел бы задать вопрос Владимиру Игоревичу. Речь шла о совместном проживании армян и греков. Но ведь они, хотя и христиане, принадлежат к разным конфессиям. Как они отправляли свои религиозные потребности? Были ли у них храмы при описанной Вами разбросанности поселений? Возможно, были совместные храмы?

<...>

[с. 82]

Обсуждение сообщений О. А. Оберемко и И. В. Гололобова

<...>

О. Г. Усенко. Мне хотелось бы сказать о конструкции, которую можно принимать в полевых исследованиях. Я понимаю, что один человек в разных ситуациях может по одному типу себя вести или по другому, но не является ли это последнее замечание противоречием с тем, что Gemeinschaft отождествляется с традиционным обществом? Тогда получается, что если в моём поведении обнаруживается что-то от Gemeinschaft и я на данный момент являюсь сгустком, представителем, эмбрионом, элементом традиционного общества вместе с тем, с кем я взаимодействую, в таком случае размывается это понятие. Но оно вроде бы уже достаточно укоренилось. Традиционные общества – это добуржуазные, аграрные и т. п. Это первое сомнение-вопрос.

Второе – насчёт параметров. Конечно, схема красива: бинарная оппозиция / троичная. Но, как показывают исследования этнологов, уже в первобытном обществе все эти медиаторские

элементы появляются, то есть «свой / чужой», «чужой / враг». Да, первобытность, но тут же кусок из Gesellschaft.

Третье – насчёт социальной структуры. Я позволю себе усомниться, что половозрастное разделение не есть социальная структура. Это один из элементов, потому что потом – и профессиональная, и классовая, и конфессиональная, и какая угодно. То есть половозрастная структура – один из вариантов, на мой взгляд.

<...>

[с. 112]

Обсуждение доклада Б. Боука

<...>

О. Г. Усенко. Я хотел бы сделать замечание после этого последнего вопроса. Строго говоря, фронтир – получается так – существует до того времени, пока на некоей территории одна из противоборствующих сторон не закрепились и каждая из сторон считает её своей или сохраняет возможность захватить эту территорию, оставить за собой. Или иначе: это «ничейная» территория с двумя силами. В таком случае применительно к донским казакам получается, что фронтир закрывается в начале XVII века с появлением устойчивой цепи казачьих городков. И я могу теоретически предположить, что казаки считают эту территорию закреплённой за собой, кочевники с этим соглашаются и в дальнейшем совершают набеги, но уже как бы на чужую территорию. В этом смысле нельзя ли ограничить отношение к казакам 30–40-ми годами XVII века? После этого – status quo уже установился, и это уже не фронтирные отношения, а отношения между общностями, конфессиями и т. д.

<...>

[с. 159]

Обсуждение доклада А. Н. Мануйлова

О. Г. Усенко. У меня вопрос насчёт старшин. Я что-то логики не могу уловить. «Старшины, служившие от Запорожья», – это понятно. «Служившие не от бывшего Запорожья», – это тоже понятно. А вот «не служившие от бывшего Запорожья»? Может быть, имеются в виду вообще не служившие?

И второй вопрос, с критической ноткой. Вы говорите, что не можете утверждать, что семейное положение «порождало иерархию соответствующих ему статусов». Тогда получается, что не было разницы «отец / сын»? Это ведь тоже семейное положение – разные права, отношение к ним разное... Неужели это нельзя считать иерархией статусов, по крайней мере, различием статусов?

<...>

[с. 174]

Обсуждение сообщения В. В. Момотова

<...>

О. Г. Усенко. Я три признака обычного права в голове «прокручиваю»... Первое – где мораль фигурирует: «человек действует под влиянием морали»... Но ведь и при писаном

праве также может действовать хороший, совестливый человек. По второму признаку – «страх потерять благо»... Но и при писаном праве я этого могу бояться. Третье – «сакральный характер»... Тот же шариат можно вспомнить – писаное право, имеющее сакральный характер. Не стоит ли подумать о каких-либо добавочных признаках обычного права? Это первый вопрос и одновременно сомнение и замечание.

И второй –

[с. 226]

возвращаясь к Вашей оговорке о том, что речь идёт об обычном праве как «действию частного лица». У меня почему-то убеждение сложилось в ходе чтения литературы, что носителем обычного права является как минимум община. Аргументируйте, пожалуйста, всё-таки, что обычное право возникает из «частного лица». Те же самые князья древнерусские передавали имущество, но это нигде не записано. Аналогично – с переходом трона. Единственно что: в республиках, когда «ряды» заключали, – записывали. Но это исключение, скорее.

<...>

[с. 227]

<...>

О. Г. Усенко. Я поймал себя на мысли, что мы рассматриваем вопрос, противопоставляя обычное право письменному праву. А ведь нет ни в каком виде чисто письменного права. Любая норма всегда подразумевает наличие некоей памяти у тех, кто читает текст, например, Уголовного кодекса. Там ведь не описывается, что такое кража. Если человек не знает об этом заранее, он вряд ли поймёт, о чём идёт речь. Мы приходим к тому, что по мере развития общества меняется соотношение обычного и письменного права. Но любое письменное право включает в себя элементы обычного, и надо, видимо, использовать системный подход, чтобы их различить. Ведь элементы письменного права вполне могут использоваться там, где господствуют обычаи. И наоборот – любое письменное право так или иначе инкорпорирует элементы неписаных правил. И системное разграничение позволило бы это изучить, поскольку системы могут взаимопроникать и в то же время оставаться автономными.

<...>

[с. 230]

Обсуждение сообщения В. М. Воронкова

О. Г. Усенко. Я хотел бы терминологический вопрос задать. В чём Вы видите критерии различия этих терминов – «официальная» и «приватная жизнь (публичность)»? Есть ли более-менее чёткое, удобоваримое в данной обстановке определение?

<...>

[с. 239]

Заключительная дискуссия

<...>

О. Г. Усенко. Прослушав последние доклады, я задумался о том, как соотносятся обычное право и этикет. В последних выступлениях много говорилось об этикетных ситуациях. Можно ли расценивать нарушение этикета как правонарушение? На мой взгляд, необходимо проводить градацию этикетных ситуаций и правовых. Совпадают они или нет? Я пока ответа на эти вопросы не знаю. Может быть, у кого-то он есть?

<...>

[с. 310]

<...>

О. Г. Усенко. Да, этикет регулирует статусные взаимодействия, но это не значит, что отношения между надзирателем и заключённым не есть отношения между носителями статусов. Но мы на бессознательном уровне норовим это отнести не в сферу этикета, а в сферу правовых отношений. Ещё пример. Древнеримский полководец, одержавший победу, мог рассчитывать на то, чтобы ему устроили триумф. Но не всем устраивали – могли быть и отступления. Здесь же тоже есть подтекст насчёт справедливости: вроде бы справедливо было бы ему оказать триумфальный приём, но он не всегда его получал. В этом случае этикет связан со справедливостью.

<...>

[с. 311]

<...>

О. Г. Усенко. По ходу дискуссии у меня родилось несколько мыслей, которые я хочу вынести на ваш суд.

Обычное право и этикет. Может быть, обычное право содержит прежде всего негативные нормы – запреты «Не делай этого!»; этикет – позитивные нормы: «Делай так!» И соответственно, если мы говорим об обычном праве, там обязательно вступают в силу санкции.

Сразу давайте тогда и о термине «санкция» договоримся. Если об области права идёт речь, необходим конкретный перечень – например, штраф, наказание кнутом, смертная казнь, нанесение увечий и т. д. Ведь термин «санкция» может ещё употребляться в смысле «осуждение», «осмеяние», «бойкот». Давайте опять же договоримся, что эти санкции следует отнести к этикету.

Насчёт обычного (неписаного, устного) права хотелось бы сказать следующее. Может быть, обычное право – это право, имеющее такую особенность: все процедуры, все расследования, вердикты

[с. 317]

могут выноситься без документов вообще или с очень ограниченным использованием письменных текстов. Ну а писаное право обязательно использует такие тексты.

Возможно, если это принять за критерий, понятия можно развести? Всё, спасибо.

<...>

[с. 318]

<...>

О. Г. Усенко. Норму можно заметить не обязательно только тогда, когда есть санкция. Такой подход предполагает включённость наблюдателя в данную общность. Но можно выйти за пределы общности – сравнить две. То, что отличает одну общность от другой, и это типично, мы можем классифицировать как норму без всяких санкций. Выйти за пределы данной общности и просто сравнить: то, что типично, повторяется, – нормально.

<...>

[с. 320]

<...>

О. Г. Усенко. Я хотел бы сказать несколько слов в защиту Ирины Леонидовны. Мы ведь занимаемся изучением различных сегментов общественной жизни. Мы же анализируем, например, «студенчество», предполагая какие-то общие для него признаки. «Профессора», «сельское население», «городское»... Так почему нельзя по какому-то параметру, в каком-то контексте, в какой-то ситуации говорить именно о «национальностях» в целом? Ведь о том же сельском населении можно сказать, что оно неоднородно: на окраине села и в центре села, богатая семья – бедная семья... Так мы дойдём до того, что вообще никогда ничего не сравним и не найдём ничего общего.

<...>

[с. 325]
